

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-27-33

EDN: YWFIQA

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Образ сердца в поэтическом и святоотеческом синтезе

Д.М. Бычков¹, К.Н. Гущина²

¹Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Российская Федерация

²Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Российская Федерация

 k.churzina@yandex.ru

Аннотация. Анализируется религиозно-философский и поэтический контекст функционирования образа сердца в дискурсе русских поэтов-символистов. Предпринята попытка обнаружить мифологические и христианские (евангельские и святоотеческие) корни в генезисе «кардиотопики». Авторы исследования опираются на широкий круг трудов отечественных богословов и философов. Кроме того, для более полной интерпретации образа привлекаются новейшие анатомо-философские концепции и отдаленные контексты (ведические и коранические). В работе применяется когнитивно-дискурсивный подход к анализу и интерпретации центрального образа «кардиотопики» – сердца. Делается вывод, что поэтическое и святоотеческое восприятие образа сердца обнаруживает парадоксальную конвергенцию смыслов: традиционная интерпретация образа как символа человеческой души, которая испытывает различные эмоции и переживания и передает глубокие мысли и чувства субъекта, сопрягается в поэтическом пространстве текста с речемыслительной и когнитивной функциями, осуществляющими коммуникацию с внешним и внутренним миром, с Творцом (Богом), а также сложный процесс интуитивного познания, реализованный стимулами различной модальности (памяти, речемышления, восприятия).

Ключевые слова: кардиотопика, дискурс, телесность, религиозно-философская традиция

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16 октября 2023 г.; отрецензирована 25 ноября 2013 г.; принята к публикации 15 декабря 2023 г.

Для цитирования: Бычков Д.М., Гущина К.Н. Образ сердца в поэтическом и святоотеческом синтезе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 27–33. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-27-33>

© Бычков Д.М., Гущина К.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The image of the heart in poetic and patristic synthesis

Dmitriy M. Bychkov¹, Kseniya N. Gushchina²

¹*Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russian Federation*

²*Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russian Federation*

 k.churzina@yandex.ru

Abstract. The religious, philosophical and poetic context of the functioning of the image of the heart in the discourse of Russian symbolist poets is analyzed. An attempt has been made to discover mythological and Christian (evangelical and patristic) roots in the genesis of “cardiotopy”. The authors of the study rely on a wide range of works by Russian theologians and philosophers. In addition, for a more complete interpretation of the image, the latest anatomical and philosophical concepts and distant contexts (Vedic and Quranic) are involved. The work uses a cognitive-discursive approach to the analysis and interpretation of the central image of “cardiotopy” – the heart. It is concluded that the poetic and patristic perception of the image of the heart reveals a paradoxical convergence of meanings: the traditional interpretation of the image as a symbol of the human soul, which experiences various emotions and experiences, and conveys deep thoughts and feelings of the subject, is interfaced in the poetic space of the text with speech-thinking and cognitive functions that communicate with the external and internal world, with the Creator (God), as well as a complex process of intuitive cognition, implemented by stimuli of various modalities (memory, speech thinking, perception).

Keywords: cardiotopy, discourse, physicality, religious and philosophical tradition

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 16, 2023; revised November 25, 2023; accepted December 15, 2023.

For citation: Bychkov, D.M., & Gushchina, K.N. (2024). The image of the heart in poetic and patristic synthesis. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 27–33. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-27-33>

Введение

Речемыслительная функция сердца в русской поэзии восходит к анатомо-философским концепциям ведических мифов, Священных тестов, святоотеческой литературы, что в совокупности служит основанием для воссоздания генезиса образа сердца. Поэты-символисты начала XX в. расширили интерпретационный потенциал образа за счет включения присваиваемых ему когнитивных способностей еще и коммуникативной функции, что повлекло за собой дискурсивную конвергенцию в прочтении образа сердца. В символической репрезентации сердце способно выражать глубинные чувства, эмоции и мысли поэта, а также служит передаче символического значения идеалов, ценностей и духовности.

Обсуждение

Чувственно-телесная топография демонстрирует центральное положение сердца как концептуального понятия в системе миропредставлений человека об ипостасях своей личности. Биомеханика и широкий спектр эмоцио-

нально-чувственных и духовных переживаний человека осмысливается через «силу живого сердца». Сердце вздыхает, стонет, говорит, молчит, молится, «льет слезы и издает вопли», любит и радуется, страдает, жаждет, понимает и понимает – вот лишь небольшой перечень действий, который интуитивно приписывается сердцу человеком. Этимология слова сердце (от индоевропейского корня *kerd*)¹ предопределила его центральное положение в представлении человека о своем теле, его концептуальной картине мира и художественной соматосфере.

Поэтическая и философская семантика образа сердца мифологически связана с его анатомической формой. Как известно, сердце имеет конусообразный вид: основание расширено и обращено назад и вверх, образуя своего рода воронку, что нашло отражение в массовом бытовом сознании. Форма сердца как секулярный символ обычно изображается в виде двух выпуклых полукругов, соединенных внизу острым концом. Эта форма ассоциируется с физическим сердцем и является узнаваемой и универсальной.

Ведическая традиция приписывает воронке особый мистический статус – получать и аккумулировать разновекторные энергии – земную (материальную) и духовную (небесную). Ведические тексты описывают сердце как место, где пребывает душа и где происходит взаимодействие между материальным и духовным мирами. В ведической философии сердце также связывается с понятием «атман», или души. Считается, что в сердце находится истинная сущность человека, его внутренний свет и мудрость. Ведические практики, такие как медитация и йога, направлены на раскрытие этой внутренней сущности и достижение духовного просветления. Таким образом, в ведической традиции сердце имеет глубокий духовный смысл, связанный с самопознанием, преобразованием и единством с божественным. Оно является символом высших человеческих качеств и стремления к духовному развитию.

Такая изотерическая теория вполне коррелирует с анатомо-физиологической идеей о энергетическом обеспечении сердца, имеющим в основе химическую природу. Так, воронкообразное строение органа, расширенной частью направленного вверх по отношению к мозгу, способно принимать от него разной природы импульсы и сигналы, в том числе и те, которые не нуждаются в анатомических и физиологических способах связи. По этому поводу хирург и богослов В.Ф. Войно-Ясенецкий пишет: «...мысли передаются в сердце... мысль как акт чисто психологический, в отличие от ощущений как актов физиологических, не нуждается в анатомических путях проведения» (Войно-Ясенецкий, 2022, с. 42). При этом возможна и обратная передача от сердца к мозгу, уму.

Анатомо-физиологический субстрат образа сердца характеризуется также автоматизмом функционирования, то есть работа органа самообусловлена и имеет источником само себя. В художественном дискурсе эта функциональная специфика получила особый философский статус: ключевое положение среди других соматических органов, а также возможность замещать в образной структуре всего человека как личность. Таким образом, материальная основа образа объясняется его культурным статусом: сердце воспринимает-

---

¹ Багриновский Г.Ю. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2009. С. 555.

ся как локализация духа и душевной жизни человека, локус концентрации духовной жизни субъекта.

Метафорико-ассоциативный спектр сердца как образа в художественном дискурсе коррелирует с фактами, описанными в медицинской литературе. Так, кардиолог А.И. Гончаренко отмечает два удивительных факта о физиологическом поведении сердца. Первый факт – «предвосприятие» этого органа, при котором перцептивная способность сердца опережает наши ощущения и работу сознания. Второй факт – это этический потенциал органа, его «моральное поведение», заключающееся в способности «жертвовать» кровью ради спасения других органов (Гончаренко, 2004, с. 34–43).

Святоотеческая традиция также приписывает сердцу широкую функциональную дифференциацию, далеко выходящую за пределы традиционной анатомии и физиологии: «Сердце, по Священному писанию, есть орган общения с Богом, – пишет В.Ф. Войно-Ясенецкий в своем сборнике поучений „Дух. Душа. Тело“, – оно есть орган высшего познания» (Войно-Ясенецкий, 2022, с. 24). Действительно, труды христианских богословов – Ефрема Сирина, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Лествичника, Макария Великого и многих других отмечают речемыслительную функцию сердца, способную к мистической коммуникации. «Все тела в совокупности не могли бы произвести самой ничтожной мысли: это невозможно, это явление иного порядка. Из всех тел и умов нельзя было бы извлечь ни одного движения истинной любви: это невозможно, это явление иного порядка, это – выше природы», – писал Блез Паскаль, также полагая, что сердце способно к иррациональному восприятию и переработке экзогенных импульсов нематериальной природы интуитивным «чутьем», способно к аккумуляции духовной энергии, «это сверхприродное событие происходит именно в сердце» (Тарасов, 2006).

Генезис образа сердца в христианской традиции восходит к Священным писаниям, для которых характерна метафорическая корреляция сердца и поля. Например, в евангельской «Притче о сеятеле» (Матф. 13:3–8) рассказывается о том, как сердца людей воспринимают Слово Божие. При этом сердце ассоциируется с почвой, землей, дорогой (каменистой, тернистой и доброй). Слова Иисуса Христа проникают в душу через сердца.

Подобное представление о сердце наблюдается и в исламской традиции: сердца неверующих уподобляются недужным, запечатанным, каменным. В Суре 2:10 читаем: «Их [неверующих. – Д.Б., К.Г.] сердца поражены недугом. Да усилит Аллах их недуг!». Таким образом, религиозная интерпретация данного образа определяет сердце органом, воспринимающим и аккумулирующим духовные законы Творца.

Христианство наделило сердце новой функциональностью – коммуникативной. В Евангелии от Матфея есть строки, раскрывающие когнитивно-коммуникативные возможности сердца: «От чистого сердца глаголят уста» (Матф. 12:34). Если тело суть необходимое – топос связи с земным, материальным миром, то сердце – это канал связи, коммуникации с миром Божиим. Философ И.А. Ильин писал: «...земной язык не имеет для этих обстоятельств верных слов и отчетливых представлений, а сверхземному языку я еще должен

самостоятельно научиться, то есть приобрести его, или (еще точнее) творчески создать его в себе, чтобы понимать его и владеть им» (Ильин, 2013, с. 242). Говоря другими словами, в сердце сосредотачиваются грани структуры личности – духовной, душевной и физической, при этом сердцу отводится роль коммуниканта между указанными личностными планами. С другой стороны, это орган чувств, которым приобретается духовный опыт, и продолжая словами И.А. Ильина, «в этом опыте я должен пережить и увидеть мое собственное духовное естество и добыть себе очевидность моего духовного бессмертия» (Ильин, 2013, с. 242).

В русской поэтической традиции Серебряного века (в особенности поэты-символисты и акмеисты (Гущина, 2023)), перекликающейся с религиозно-философским дискурсом, относительно интерпретации исследуемого понятия кардиотопика приобретет более отчетливое коммуникативное измерение, сродни фразеологическим оборотам – говорить в сердцах, сердечный разговор, от сердца к сердцу, от чистого сердца, воспринимать близко к сердцу и т. п. При этом кардиотопика достаточно часто сопрягается с традиционными романтическими образами (луны, звезд, тумана) и мотивами (одиночества, молчанья). Так, А.А. Голенищев-Кутузов в стихотворении «Когда святилище души...» (1888 г.) репрезентует образ сердца вместилищем глубоких размышлений лирического субъекта, где созревает до времени его эмоционально-волевая сфера и аккумулируются душевные порывы, готовые в нужное время «взорваться»:

В глубоких недрах вспыхнет жар,
И тьму пронижет луч победный,
И грянет громовой удар!²

Или же в стихотворении «Не смолкай, говори...» (1888 г.), в котором влюбленное и одурманенное сердце лирического героя коррелирует с онейрическими мотивами сна, мечтания и представляется вместилищем дум и размышлений. Лирический субъект поэта находится на пути духовного познания природы одиночества человеческой души. В данном контексте сердце отождествляется с миром, непознаваемым, полным тоски и отрешенности от диалога.

Речемыслительная функция сердца, как видим, замкнута на самой себе, поскольку достойного субъекта общения в душевном плане ему не найти. Вся полнота общения человека доступна только Творцу. Говорить сердцем человек может только с Богом, и русские поэты видят в этом источник человеческих страданий.

В русской поэзии начала XX в. речемыслительная и коммуникативная функция сердца часто выражается через символическое изображение сердца как центра эмоционального и духовного мира человека. В поэтическом дискурсе сердце часто ассоциируется с понятием «душа», выступая как источник чувств и эмоций, неразрывно связанных с внутренним миром поэта. Оно выражает его внутреннюю правду, его самые глубокие переживания и мысли.

² Голенищев-Кутузов А.А. Стихотворения. URL: http://az.lib.ru/g/golenishewkutuzow_a_a/text_0020.shtml (дата обращения: 27.11.2023).

В современной филологии утвердился ряд представлений, «связывающих ментальные и физические феномены. Они должны быть включены либо в сферу материального, либо в сферу ментального, однако с точки зрения своих носителей они не могут принадлежать ни к одной, ни к другой области»³. Сердце также часто используется как репрезентант когнитивных свойств лирического субъекта. Особое значение этому предавали романтики XIX в. и русские символисты Серебряного века в силу их трансцендентного мировосприятия, репрезентованного в лирических текстах. Например, в стихотворении А. Блока «Тревога» образ сердца способен слышать, видеть, декодировать тайные знаки, все это – совокупность коммуникативных параметров образа:

Сердце слышишь...
Сердце видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?
(Блок, 2009, с. 216)

В этом плане образ сердца восходит к романтической интерпретации. К. Батюшков в стихотворении «Мой гений» (1815 г.) указывал на еще одно когнитивное свойство сердца, без которого невозможна коммуникация, – память:

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной...⁴

Заключение

Итак, человеческому сознанию свойственна мифологизация окружающего мира как попытка объяснить сложные универсалии не только внешней действительности, но и внутреннего бытия личности, в том числе и анатомо-философского представления о теле, трансформирующего физиологическое в мифологическое. В этой связи особым значением наделяется образ сердца как ключевой топос в телесной концепции поэтов и философов. Представляется интересным рассмотреть мифопоэтический генезис данного образа в его связи с материалистической интерпретацией. Современная философская и филологическая мысль активно обращается к интерпретации образа сердца. Когнитивные функции сердца в поэзии заключаются в использовании образа сердца для передачи мыслей и идей, связанных с различными аспектами человеческой жизни. Сердце может быть использовано как символ чувственности и эмоциональной глубины, который помогает поэту передать свои мысли и идеи в более яркой и выразительной форме. Поэтическая гносеология приписывает сердцу познавательные способности, реализующиеся в различных модулях перцепции – памяти, речемышлении, интуиции, коммуникации и др.

³ Когнитивный словарь литературно-философского дискурса / ред.-сост. Е.Н. Бадалова, Д.М. Бычков. Астрахань: Астраханский государственный университет: Астраханский университет, 2014. С. 201.

⁴ *Батюшков К.Н.* Стихотворения. URL: http://az.lib.ru/b/batjushkow_k_n/text_0080-2.shtml (дата обращения: 01.12.2023).

Список литературы

- Блок А.А. Полное собрание стихотворений: в 3 томах. Том второй (1904–1908). М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 307 с.
- Гончаренко А.И. Непознанное сердце // Техника молодежи, 2004. № 9. С. 34–43.
- Гущина К.Н. Поэтика телесности в лирическом творчестве Владимира Нарбута: монография. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2023. 92 с.
- Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М.: ДАРЪ, 2013. 320 с.
- Свт. Лука (Войно-Ясенецкий), археп. Симферопольский и Крымский. Дух, душа и тело: избранные поучения. М.: ДАРЪ, 2022. 320 с.
- Тарасов Б.Н. Философия сердца в творчестве Паскаля и русских мыслителей // Вестник русской христианской гуманитарной академии 2015. Т. 16. Вып. 3 С. 229–237.

References

- Block, A.A. (1997). *Poems. Vol. II. Book two (1904–1908)*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Goncharenko, A.I. (2004). The unknown heart. *Technique of Youth*, (9), 34–43. (In Russ.)
- Gushchina, K.N. (2023). *The poetics of physicality in the lyrical work of Vladimir Narbut*. Astrakhan: AGTU Publ. (In Russ.)
- Ilyin, I.A. (2013). *The Singing heart. The book of quiet contemplations*. Moscow: DAR Publ. (In Russ.)
- St. Luke (Voino-Yasenetsky), archep. Simferopol and Crimean. (2022). *Spirit, soul and body: Selected teachings*. Moscow: DAR Publ. (In Russ.)
- Tarasov, B.N. (2015). Philosophy of the heart in the works of Pascal and the Russians. *Vestnik Russkoj Hristianskoj Gumanitarnoj Akademii*, 16(3), 229–237. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций, Астраханский государственный технический университет, Российская Федерация, 414025, Астрахань, ул. Татищева, д. 16. ORCID: 0000-0002-0114-7341. E-mail: dmitriybychkov@list.ru

Гущина Ксения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Астраханский государственный медицинский университет, Российская Федерация, 414000, Астрахань, ул. Бакинская, д. 121. ORCID: 0000-0002-7235-6263. E-mail: k.churzina@yandex.ru

Bio notes:

Dmitry M. Bychkov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages and Speech Communications Department, Astrakhan State Technical University, 16 Tatishcheva St, Astrakhan, 414025, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0114-7341. E-mail: dmitriybychkov@list.ru

Ksenia N. Gushchina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department, Astrakhan State Medical University, 121 Bakinskaya St, Astrakhan, 414000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7235-6263. E-mail: k.churzina@yandex.ru